https://doi.org/10.34680/visant-2020-216-226

КАЛЛИГРАФИЯ ГОРОДА: НОВГОРОДСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Т. В. Шмелева
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия
szmiel@mail.ru

Статья подготовлена в рамках исполнения проекта «Ономастический портрет Великого Новгорода: диалектика древнего и актуального» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Новгородской области (проект № 18-412-530002)

В статье предлагается понятие «каллиграфии города» как визуальной характеристики письменности городской среды, но связанной с языковым аспектом письма, а не дизайнерским. Материал для наблюдений над каллиграфией составили надписи и вывески Великого Новгорода в текущий период. Утверждается, что специфику новгородской каллиграфии составляет распространённость «старой кириллицы», использование которой имеет разную семиотику – древности города и расположения в «старом городе, принадлежности церковной сфере» и фольклору. «Новая кириллица», или гражданица, в городской среде присутствует как в виде печатных шрифтов, так и в виде надписей, имитирующих рукописные тексты. Эти различия связаны со стилистическими эффектами: печатные шрифты создают эффект официальности, рукописные – «домашности». Обращается внимание на такие виды каллиграфии, как 1) «цифрография» – использование на вывесках цифр, 2) «ксенография» – использование прежде всего латиницы, с помощью которой изображаются не только целые слова, но и «вкрапления» в кириллические надписи, а также стилизация под арабскую вязь, греческое письмо. Так же, как для современного русского письма вообще, для городской каллиграфии характерна пиктографизация. Высказывается предположение, что новгородские черты городской каллиграфии могут быть обнаружены в других городах – российских и зарубежных.

Ключевые слова: город, Великий Новгород, письменность городской среды, каллиграфия города, кириллица, латиница.

CALLIGRAPHY OF THE CITY: NOVGOROD OBSERVATIONS

Tatiana Shmeleva
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
szmiel@mail.ru

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research and administration of the Novgorod region (project number 18-412-530002)

The article suggests the concept of "city calligraphy" as a visual characteristic of the writing of the urban environment, but associated with the linguistic aspect of writing, and not design. The material for observing calligraphy was made up of the inscriptions and signs of Veliky Novgorod in the current period. It is argued that the specifics of Novgorod calligraphy are the prevalence of the "old Cyrillic alphabet", the use of which has different semiotics – the antiquity of the city and location in the "old city, belonging to the church sphere" and folklore. "New Cyrillic", or a citizen in an urban environment, is present both in the form of printed fonts and in the form of inscriptions imitating handwritten texts; these differences are associated with stylistic effects: printed fonts create the effect of formality, handwritten – "homework". Attention is drawn to such types of calligraphy as 1) "digital printing" – the use of numbers on signs, 2) "xenography" – the use primarily of the Latin alphabet, with the help of which both whole words are displayed and "interspersed" in Cyrillic inscriptions, as well as stylizations in Arabic script, Greek letter. Just as for modern Russian writing in general, pictographization is typical for urban calligraphy. It is suggested that the Novgorod features of urban calligraphy can be found in other cities – Russian and foreign.

Keywords: city, Veliky Novgorod, writing of the urban environment, city calligraphy, Cyrillic, Latin.

Рассмотрение проблемы, сформулированной в названии статьи, обязывает эксплицировать представления о понятиях «город», «письменность городской среды» и «каллиграфия».

Под термином *город* имеется в виду *городская среда* как пространство обитания горожанина в её природно-предметной осуществлённости и как «плотный сгусток непосредственных впечатлений и ментальных конструкций по их поводу» [Глазычев 1986]. Выступая объектом исследования архитекторов, урбанистов, философов, искусствоведов, филологов, городская среда в каждом из этих случаев предстаёт перед исследователем своей особой стороной. Не пытаясь их перечислить, отметим, что для философов, искусствоведов, филологов город – это сложный семиотический текст, состоящий из знаков разных фактур – звуковых (колокольный звон, звук трамвая, заводские гудки, мелодии духового или джазового оркестра), одорических (запах моря или цветущей сирени), температурных (зной южного лета или холод скованных морозом площадей), тактильных (гладкость мраморных ступеней, ощущение брусчатки под ногой или гальки пляжа)

[Шмелева 2004, 494–495]. Все эти знаки городского текста заслуживают исследовательского внимания, они получают отражение в воспоминаниях о городе или его художественных отражениях, однако в данном случае необходимо обратиться к визуальной стороне городского текста, включающей визуальные знаки различной природы – пространственные, архитектурные, пластические, изобразительные и вербальные.

Непосредственный объект настоящей работы – вербальные знаки, для совокупности которых предложено наименование *письменность городской среды*. Предложенное в одноимённой статье [Шмелева 1997], это понятие воспринято лингвистами, например, [Филинкова 2004, 74; Лихачев 2013, 5–6; Гузикова 2013, 205; Мигранова 2015, 107], что, как кажется, свидетельствует о его целесообразности. Конечно, использование термина «письменность» по отношению к тому, что горожанин видит на стенах зданий, постерах, растяжках и других городских пространствах, неизбежно оказываясь читателем городского текста [Шмелева 2012 b], довольно условно. Ведь только часть буквенных изображений в городе может быть названа письменной в прямом смысле этого слова – как написанная рукой: это рукописные объявления типа «Пропала кошка…», «Продам картофель…»; написанные мелом меню на штендерах рядом с кафе, это ценники на рынке, это, наконец, граффити, которые сейчас можно увидеть в каждом городе. Основная же масса буквенных изображений создана с помощью разнообразных технических средств – от печати до сложных производств. Но с точки зрения горожанина – это письменные знаки хотя бы потому, что каждый из них существует в одном экземпляре (по крайней мере, в обозримом городском пространстве), а это характерно именно для рукописных текстов (это их свойство можно назвать «нетиражность»). В отличие, например, от листовок, которые вручают на улице, или газет, которые берут из почтового ящика, – горожанин ощущает их тиражность, понимает, что такие же есть у многих его сограждан; вывеску же множество горожан видят одну.

При филологическом исследовании письменность городской среды обнаруживает целый ряд аспектов: жанры (от вывески до рекламного слогана), стилистика (от сугубо официальной до игровой и эпатажной), лексика (апеллятивная и онимическая, русская и заимствованная, стандартная и окказиональная), в целом языковой облик города [Михайлюкова 2017]. В данном случае речь пойдёт о собственно *визуальной стороне* этого вида письменности, для обозначения которой предлагается термин «каллиграфия города».

Хорошо известный греческий термин *каллиграфия* (букв. «красивое письмо») обозначает одно из искусств письменной речи и относится как к рукописям (палеографии), так и эпиграфике, сфрагистике, нумизматике [Рождественский 1996, 169–170]. Распространить его на тексты современной городской среды представляется вполне возможным. Кстати можно отметить, что он используется и по отношению к другим реалиям, как в статье В. Н. Мансуровой «“Цифровая каллиграфия” современного журналиста: власть digital контента», где утверждается, что перед современным журналистом «встала задача освоения новой “каллиграфии” создания сетевого текста» с опорой на толкование этого термина французским искусствове-

дом Клодом Медиавилла, который понимает её как «…искусство оформления знаков в экспрессивной, гармоничной и искусной манере» [цит. по Мансурова 2017, 22].

В визуальной стороне городских текстов каллиграфическое следует отличать от дизайнерского – колористики надписей, их размерности, характера реальных начертаний. Каллиграфическим есть основания считать языковые аспекты письма, дифференцируя при этом графемные и параграфемные явления. К первым относятся буквы алфавитов и «стили исполнения» знаков – устав, полуустав и скоропись, характерных для архаичных письменностей [Рождественский 1996, 169–171]; ко вторым – визуальные знаки, сопровождающие графемы, но не входящие в их начертание; в качестве параграфемных знаков могут выступать как конвенциональные над- и подстрочные элементы (точки над ё в русской графике, kreska и ogonek в польской), так и окказиональные элементы пространственных изменений, пиктограмм [Дзякович 1998; Григорьева 2003].

Материалом для настоящего исследования послужила письменность городской среды Великого Новгорода, факты которой зафиксированы в текущий период и систематизированы с опорой на изложенные теоретические представления (более 50 надписей).

Рассматривая собственно графемный аспект каллиграфии городской среды в Великом Новгороде, следует прежде всего отметить, что в нём распространены надписи на «старой кириллице», которая была единственным графическим средством до петровских реформ русского письма. Ею изображается название города на въездных знаках (*ил. 1*), обозначаются названия храмов и даже некоторых городских заведений. В каждом из этих случаев выбор старой кириллицы семиотизируется, вносит свой смысл в начертание: кириллица в названии города подчёркивает тот факт, что наш город – самый древний в России; выбор её для обозначения названия храма соответствует функционированию старой кириллицы в церковной сфере (*ил. 2*); название кафе «На Славне», выполненное той же старой кириллицей, семиотизирует его как архаичное, так как название входит в древний новгородский топоним *холм Славно* в «старом городе», как его называют новгородцы; там же расположена парикмахерская – славянское слово «Лада» потребовало старой кириллицы. А название кафе «Любопытная Варвара» в новой части города, изображенное старой кириллицей, отсылает к фольклору.

Разумеется, примеров можно привести больше, но и эти позволяют сделать вывод о том, что выбор данного вида письма семиотичен и подчиняется правилу, которое можно обозначить как правило «каллиграфического согласования»: вид письменных знаков соответствует характеру референта или языкового средства с коннотацией древности, церковности, фольклорности. Таким образом, можно говорить о трёх разных эффектах этого выбора: церковности, архаичности и фольк-эффекте.

Естественно, что более распространена в городском письме гражданица – кириллица, преобразованная в ходе петровских реформ с «оглядкой» на латиницу [Григорьева, Осипов 2009, 16]. Следует отметить, что обе версии кириллицы сосуществуют в обозримом пространстве. Что касается гражда-

ницы, то городская среда принимает её как в печатном (что естественно), так и скорописном виде, что создаёт разные стилистические эффекты: печатная гражданица вносит стилистику официальности, а скоропись – эффект неофициальности, домашности. Последнее отличает именно современный город с его диалогичностью, общением с горожанами «на *ты*».

Ил. 1. Старая кириллица в написании
названия города на одном из въездных знаков.

Ил. 2. Старая кириллица в церковной сфере.

Расширяя каллиграфические границы, письмо городской среды включает и «цифрографию» – так можно назвать использование на вывесках числовых обозначений. Великий Новгород можно считать уникальным в том отношении, что в его городской среде обнаруживается допетровское обозначения чисел – старой кириллицей в числовом значении: эту надпись находим на щите Рюрика (*ил. 3*) в верхнем ярусе памятника «Тысячелетие России».

Ил. 3. Старая кириллица в числовом значении на щите Рюрика в верхнем ярусе памятника «Тысячелетие России».

Современные же, арабские цифры можно видеть, например, в названии аптеки «36,6», что легко прочитывается как нормальная температура – признак здоровья; или магазина одежды «5 манекенов», где действительно пять манекенов. Включение числа в имена собственные городских заведений – одна из традиций новгородского ономастикона («Три соуса», «Три бочки»), но каллиграфически такие тексты не выделяются из других буквенных обозначений. В некоторых случаях буквенные и цифровые обозначения соединяются в одном названии – как в магазине «1000 и одна сумка».

Таким образом, первое каллиграфическое наблюдение: в городской среде представлены все возможности кириллицы – «старая» и гражданица, печатная и скорописные, в буквенном и числовом значении. При этом выбор той или иной возможности может быть семиотизированным или декоративным, что реже.

Второе наблюдение: каллиграфия городской среды не ограничивается кириллицей, а охотно включает знаки иных графических систем, для обозначения чего можно ввести термин «ксенография». В первую очередь это касается латиницы, присутствие которой в Великом Новгороде уже было объектом исследования [Шмелева 2009]. Можно привести и более актуальные примеры, отметив, что латиница используется как в своей печатной (автомойка «Urban»), так и рукописной версии (отель «*Sofia*»). Интересно отметить, что в городской среде встречаются как полные написания на латинице, так и вкрапление отдельных букв латиницы в кириллическое слово, как в названии студии красоты «ПИLКИ» и гастробар «Haffига козе баян!?». Более того, новгородские номинаторы изобретают искусственные слова, можно сказать, псевдолатинизмы, например, название студии красоты «La MuRr».

Помимо латиницы, в городе можно найти надписи и в других системах письма, но это – каллиграфические стилизации, т. е. кириллическая надпись изображается под арабскую вязь, греческое письмо. Это абсолютно понятно русскому читателю, но создаётся эффект инографичности, мотивированный характером городского заведения: арабская вязь бистро «Тысяча и одна ночь» намекает на его восточное меню, а греческое написание «Акрополь» раскрывается в находящейся рядом надписи «Гирос – шаверма по-гречески».

Итак, второе наблюдение выявляет свободу новгородской каллиграфии: помимо больших возможностей кириллицы, она включает ксенографию – в виде слов в иных графических системах, отдельных элементов слов кириллического написания и стилизации по греческое письмо, арабскую вязь.

Третье наблюдение относится к параграфемике, из средств которой широко представлена пиктографизация написаний, которая была отмечена как одна из черт русской орфографии XXI века [Григорьева 2004, 229]. Этот параграфемный приём состоит во включении в буквенное написание элементов изображения, картинки, что и отражено в термине, производном от термина *пиктография*, обозначающего рисуночное письмо (ср. англ. «picture»). Пиктографизация сопровождает как кириллические, так и латинские надписи. При этом большая часть пиктографических элементов носит дублирующий характер (вешалка в названии магазина «Одежда», ножницы в названии «Салона причёсок» и т. п.), то есть является декоративным элементом. Но можно найти и значимые пиктограммы: «зелёный змей» в названии магазина «Зелёный» указывает на то, чем торгуют; брови в названии «Салон красоты BREZZNEV» объясняют, какие аспекты красоты имеются в виду (сначала это была «Студия бровей»).

Итак, три наблюдения над каллиграфией Великого Новгорода и предположение, что это явление характерно для современного города, позволяют поставить вопрос о его функции в современной городской культуре. Возвращаясь к исходному теоретическому положению о том, что город представляет собой сложный семиотический текст, следует добавить, что этому тексту наряду с другими характеристиками присуще *многоязычие*, на что уже приходилось обращать внимание [Шмелева 1998; Шмелева 2008]. Ю. М. Лотман называл эту черту городского текста «принципиальным

полиглотизмом», который делает город «полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий» [Лотман 2001, 325]. Одну из таких коллизий «организует» каллиграфия города, в которой сосуществуют различные версии кириллицы, иные графические системы, паграфемные средства. Всё это делает каллиграфию одним из кодов, позволяющим усиливать языковую полифонию, дополняя городские тексты особыми смыслами и стилистическими эффектами, а также вносить визуальное разнообразие и эстетичность в городскую среду.

Важно при этом заметить, что каллиграфия отражает общие тенденции функционирования языка – во-первых, использование его разновременных средств, актуализация устаревшей лексики (каллиграфически это разные версии кириллицы), во-вторых, это тенденция «ксенизации» – массовое и активное заимствование элементов чужих языков [Коряковцева 2016, 185], и, в-третьих, визуализация коммуникации, в частности, синтаксиса [Шмелева 2012 а].

И если выходить на более высокий уровень обобщения и попытаться определить в рассмотренных фактах тенденции культуры, то без сомнения мы увидим тенденцию к глобализации и видеократии, которую отмечают не только учёные, но писатели, например, Александр Генис [Генис 1997, 131]. Таким образом, каллиграфия города, представляющая как будто бы разные, иногда смешные и мало связанные друг с другом факты, оказывается проявлением важных тенденций функционирования языка и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Генис 1997 – *Генис А.* Глаз и буква // Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. Москва, 1997. С. 131–141.

Глазычев 1986 – *Глазычев В. Л.* Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города / Под ред. О. А. Швидковского. Москва, 1986. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations%26cities/1986_poetika.htm (дата обращения: 03.09.2019).

Григорьева 2003 – *Григорьева Т. М.* Паграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Вып. 1 / Под ред. И. В. Пекарской. Абакан, 2003. С. 68–76.

Григорьева 2004 – *Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). Москва, 2004.

Григорьева, Осипов 2009 – *Григорьева Т. М.*, Осипов Б. И. От старой азбуки до современного алфавита // Кириллица – латиница – гражданица: коллективная монография / Под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 12–20.

Гузикова 2013 – *Гузикова В. В.* Иноязычный текст на улицах Екатеринбурга // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 203–207.

Дзякович 1998 – *Дзякович Е. В.* Особенности использования средств паграфемики в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. 1998. № 27. С. 140–145.

Коряковцева 2016 – *Коряковцева Е. И.* О некоторых проявлениях евролатинизации в словотворчестве российских, польских и чешских СМИ // Язык: поиски, факты, гипотезы / Под ред. М. В. Ляпон. Москва, 2016. С. 184–202.

Лихачев 2013 – *Лихачев С. В.* Морфологические особенности утилитарного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 5. С. 4–10.

Лотман 2001 – *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2001. С. 320–334.

Мансурова 2017 – *Мансурова В. Н.* «Цифровая каллиграфия» современного журналиста: власть digital контента // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 17–33.

Мигранова 2015 – *Мигранова Л. Ш.* Графико-орфографическое иноязычие в рекламных вывесках // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 106–108.

Михайлюкова 2017 – *Михайлюкова Н. В.* Языковой облик современного города. Владивосток, 2017.

Рождественский 1996 – *Рождественский Ю. В.* Общая филология. Москва, 1996.

Филинкова 2004 – *Филинкова Е. О.* Графико-орфографическое иноязычие в контексте полизнаковости русского письма постсоветского периода: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Красноярск, 2004.

Шмелева 1997 – *Шмелева Т. В.* Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике. Вып. 1 / Под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 1997. С. 114–123.

Шмелева 1998 – *Шмелева Т. В.* Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998. С. 153–155.

Шмелева 2004 – *Шмелева Т. В.* Город как текст: Bydgoszcz / Быдгощ // Dzieło literacke jako dzieło literacke = Литературное произведение как литературное произведение / Pod red. A. Majmieskulow. Bydgoszcz, 2004. С. 493–507.

Шмелева 2008 – *Шмелева Т. В.* Многоязычие (нов)городских улиц // Язык в контексте гуманитарных знаний / Под ред. Н. В. Семёновой. Великий Новгород, 2008. С. 158–171.

Шмелева 2009 – *Шмелева Т. В.* Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города: Великий Новгород // Кириллица – латиница – гражданица: коллективная монография / Под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 175–179.

Шмелева 2012 a – *Шмелева Т. В.* Визуализация синтаксиса // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Под ред. С. В. Вяткиной, Д. В. Руднева. Санкт-Петербург, 2012. С. 339–347.

Шмелева 2012 b – *Шмелева Т. В.* Горожанин как читатель // Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Вып. 10: Город как культурное пространство. Тюмень, 2012. С. 7–12.

REFERENCES

Dzyakovich 1998 – Dzyakovich E. V. Features of the Paragraphemic Tools Usage in Modern Print Advertising. *Problems of Stylistics*. 1998, 27. P. 140–145. In Russian.

Filenkova 2004 – Filenkova E. O. Graphic and Spelling Foreign Language in the Context of the Multisignality of Russian Writing of the post-Soviet Period. Abstract of PhD in Philology Thesis. Krasnoyarsk, 2004. In Russian.

Genis 1997 – Genis A. Eye and Letter. *Genis A. The Tower of Babel*. Moscow, 1997. P. 131–141. In Russian.

Glazychev 1986 – Glazychev V. L. Poetics of the Urban Environment. *Aesthetic Expressiveness of the City*. Ed. by O. A. Shvidkovsky. Moscow, 1986. URL: http://www.glazychev.ru/habitations%26cities/1986_poetika.htm. In Russian.

Grigoryeva 2003 – Grigoryeva T. M. Paragraphemic Phenomena in Modern Russian Writing. *Language, Culture, Communication: Aspects of Interaction*. Vol. 1. Ed. by I. V. Pekarskaya. Abakan, 2003. P. 68–76. In Russian.

Grigoryeva 2004 – Grigoryeva T. M. Three Centuries of Russian Spelling (XVIII–XX centuries). Moscow, 2004. In Russian.

Grigoryeva, Osipov 2009 – Grigoryeva T. M., Osipov B. I. From the Old Alphabet to the Modern Alphabet. *Cyrillic Script – Roman Script – Civil Script*. Ed. by T. V. Shmeleva. Veliky Novgorod, 2009. P. 12–20. In Russian.

Guzikova 2013 – Guzikova V. V. Foreign Language Text on the Streets of Yekaterinburg. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013, 1 (292). P. 203–207. In Russian.

Koryakovtseva 2016 – Koryakovtseva E. I. On Some Manifestations of Euro-Latinization in the Creation of Russian, Polish and Czech Media. *The Language: Searches, Facts, Hypotheses*. Ed. by M. V. Lyapon. Moscow, 2016. P. 184–202. In Russian.

Likhachev 2013 – Likhachev S. V. Morphological Features of Utilitarian Discourse. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2013, 5. P. 4–10. In Russian.

Lotman 2001 – Lotman Yu. M. Symbols of St. Petersburg. *Lotman Yu. M. Semiosphere*. St. Petersburg, 2001. P. 320–334. In Russian.

Mansurova 2017 – Mansurova V. N. "Digital Calligraphy" of a Modern Journalist: Governance of Digital Content. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2017, 4. P. 17–33. In Russian.

Migranova 2015 – Migranova L. Sh. Foreign-Language Graphics and Orthography in Advertisements. *Philology and Culture*. 2015, 4 (42). P. 106–108. In Russian.

Mikhailyukova 2017 – Mikhailyukova N. V. The Linguistic Appearance of a Modern City. Vladivostok, 2017. In Russian.

Rozhdestvensky 1996 – Rozhdestvensky Yu. V. General Philology. Moscow, 1996. In Russian.

Shmeleva 1997 – Shmeleva T. V. Written of the Urban Environment. *Phonetics – Orthoepy – Writing in Theory and Practice*. Vol. 1. Ed. by T. M. Grigoryeva. Krasnoyarsk, 1997. P. 114–123. In Russian.

Shmeleva 1998 – Shmeleva T. V. Multilingualism as a Feature of the Speech Life of a Modern City. *Russian in the Context of Modern Culture*. Yekaterinburg, 1998. P. 153–155. In Russian.

Shmeleva 2004 – Shmeleva T. V. City as a Text: Bydgoszcz / Bydgoszcz. *Dzieło literacke jako dzieło literacke = Literary Work as a Literary Work*. Ed. by A. Majmieskulow. Bydgoszcz, 2004. P. 493–507. In Russian.

Shmeleva 2008 – Shmeleva T. V. Multilingualism of (New) City Streets. *Language in the Context of Humanitarian Knowledge*. Ed. by N. V. Semenova. Veliky Novgorod, 2008. P. 158–171. In Russian.

Shmeleva 2009 – Shmeleva T. V. Latin in the Onomastic Landscape of a Modern Russian City: Veliky Novgorod. *Cyrillic Script – Roman Script – Civil Script*. Ed. by T. V. Shmeleva. Veliky Novgorod, 2009. P. 175–179. In Russian.

Shmeleva 2012 a – Shmeleva T. V. Visualization of Syntax. *Grammar and Stylistics of the Russian Language in Synchrony and Diachrony: Essays*. Ed. by S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev. St. Petersburg, 2012. P. 339–347. In Russian.

Shmeleva 2012 b – Shmeleva T. V. Citizen as a Reader. *Philological Discourse: Bulletin of the Institute of Humanities of the Tyumen State University*. Vol. 10: The City as a Cultural Space. Tyumen, 2012. P. 7–12. In Russian.

Татьяна Викторовна Шмелева
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия.
Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры журналистики.
E-mail: szmiel@mail.ru

Tatiana V. Shmeleva
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
Doctor of Philology,
Professor of the Department of Journalism.
E-mail: szmiel@mail.ru